

HISTORIA ROSSICA

ДАРЮС СТАЛЮНАС

ПОЛЬША ИЛИ РУСЬ?

ЛИТВА
В СОСТАВЕ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Дарюс Сталюнас

**Польша или Русь? Литва в
составе Российской империи**

«НЛО»

2022

УДК 94(474.5)
ББК 63.3(4Лит)

Сталюнас Д.

Польша или Русь? Литва в составе Российской империи /
Д. Сталюнас — «НЛО», 2022 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-482061-2

История становления России как империи и доминирование в ней националистического дискурса наглядно отражается в той политике, которую страна проводила в отношении своих «окраин». Среди них – земли Великого княжества Литовского, названные в официальной номенклатуре XIX века Северо-Западным краем. Государственная идеология, создавшая образ этих территорий как исконно русских, загнала себя в «дискурсивный капкан»: этнокультурная реальность края была иной. Книга Дарюса Сталюнаса анализирует национальную политику в отношении каждой из наиболее многочисленных этнических групп этого региона – белорусов, литовцев, евреев и поляков. Его исследование показывает, что в Литве большинство мер, направленных на «обрусение», «исправление», «слияние» или «сближение» нерусского населения, оказались либо безрезультатными, либо привели к совсем не тем последствиям, на которые надеялись власти. Причины этих неудач были прежде всего связаны с господствующими идеологическими стереотипами, мешавшими увидеть сложную конфигурацию социальной действительности. Дарюс Сталюнас – ведущий научный сотрудник Института истории Литвы.

УДК 94(474.5)
ББК 63.3(4Лит)

ISBN 978-5-44-482061-2

© Сталюнас Д., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

Введение	6
Историография	10
Метод исследования и структура книги	24
Раздел I. Земли Великого княжества Литовского на ментальных картах имперской элиты	29
Глава 1	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дарюс Сталюнас

Польша или Русь?. Литва в составе Российской империи

Введение

Вспоминая свою работу на посту виленского губернатора в 1860-х годах, Иван Алексеевич Шестаков писал, что возможны лишь две точки зрения на земли Великого княжества Литовского, присоединенные к России в конце XVIII века: как на польские или как на российские. При этом литовцам он отводил маргинальную роль: «На Литву, политически, можно смотреть только двояко: как на часть России или как на часть Польши. Третий взгляд – автономический – противится истории, смыслу и цели вещей. Чисто литовское население едва заметно и сливается с соседними белорусским, польским и латышским»¹. В то время, в эпоху политики «обрусения», возможность отнесения земель Великого княжества Литовского или к Польше, или к России могла присутствовать в умах имперских чиновников, но ни в коем случае не могла быть озвучена в официальном или общественном российском дискурсе, поскольку эта территория уже была объявлена «исконно русскими землями», и задачей чиновников, а значит, и И. А. Шестакова было «возвращение» этого края на истинный путь его развития, защита проживающих здесь литовцев и белорусов (или, пользуясь терминологией чиновников, русских) от «полонизации», недопущение нового «польского мятежа» (именно так в то время было принято называть восстание 1863–1864 годов).

Конкуренция различных имперских/национальных проектов (в случае приведенной выше цитаты И. А. Шестакова – Польши и России) отражалась в высказываниях чиновников и публицистов и в отношении других окраин Российской империи. В 1867 году влиятельный (возможно, и наиболее влиятельный) публицист середины XIX века – главный редактор журнала «Московские ведомости» Михаил Никифорович Катков ставил достаточно острый вопрос о будущем Остзейских губерний (с середины XIX века – Прибалтийские губернии): кому они будут принадлежать – России или Германии?² Земли Великого княжества Литовского, получившие в XIX веке в официальной номенклатуре название Северо-Западный край и вместе с Правобережной Украиной ставшие Западно-Русским краем, со стратегической точки зрения не были так важны для Санкт-Петербурга, как Прибалтийские губернии, Царство Польское (со второй половины XIX века – Привислинский край) и Великое княжество Финляндское, но можно говорить о том, что этот регион вместе с Малороссией был исключительно важен для правящей и интеллектуальной элиты империи в вопросе русского нациестроительства³. Поэтому национальная политика, проводившаяся имперскими властями на этой территории, прекрасно отражает не только рост влияния на правящую элиту идеологии национализма и гравитацию государства в направлении империи нового типа, которую историки называют и

---

¹ РНБ ОР. Ф. 856. № 5. Л. 418. В книге используются официальные названия городов, например Вильна до 1920 года, Вильно – 1920–1939, Вильнюс – после 1939 года, а также в том случае, когда говорится о литовском дискурсе.

² *Brüggenmann K.* Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. S. 18. Похожие выражения: *Ibid.* S. 234, 443. В российском дискурсе Литва была отнесена к Прибалтике только после 1918 года.

³ *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алетейя, 2000; *Hillis F.* Children of Rus'. Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation. Ithaca; London: Cornell UP, 2013; *Remy J.* Brothers or Enemies: The Ukrainian National Movement and Russia from the 1840s to the 1870s. Toronto: Toronto University Press, 2016.

«национальной», и «национализирующей», и «непоследовательно национализирующей»⁴, но и проблемы, с которыми столкнулась Россия, пытаясь ответить на вызовы новой эпохи, и в первую очередь – на идеологию национализма⁵.

Северо-Западный край, возможно, в большей степени, чем любая другая окраина Российской империи, иллюстрирует тезис Михаила Дмитриевича Долбилова о «дискурсивном капкане»⁶, который был создан официальной идеологией, постулировавшей «исконную русскость» этой территории. Отправлявшиеся на службу в Северо-Западный край имперские чиновники сталкивались с этноконфессиональной реальностью, разительно отличавшейся от образа, циркулировавшего и в бюрократической переписке, и в общественном дискурсе (в исторических повествованиях, этнографических описаниях, статистике и публицистике)⁷. Наряду с относимым властями к русским плохо образованным, говорившим на разных белорусских диалектах крестьянством, которое, согласно официальной статистике, составляло большинство населения Северо-Западного края, в крае проживали другие группы, чуждые русским в этнокультурном отношении. Основную часть социальной элиты составляло говорившее на польском языке и исповадовавшее католицизм дворянство, которое имперские чиновники считали своим главным врагом. В городах и местечках значительную часть населения составляли в этническом, языковом, конфессиональном и хозяйственном смысле совершенно чуждые русским (и к тому же объявленные вредными) евреи. В западной части Северо-Западного края (Ковенская губерния и часть Виленской губернии, а также относящаяся к Царству Польскому Августовская (Сувалкская) губерния) компактно проживали исповадовавшие католицизм (а также евангелико-реформаторство) литовцы, для обозначения которых в российском дискурсе использовались два этнонима – литовцы и жемайтійцы («литва и жмудь»), при том что принадлежность этих субгрупп к одной и той же этнической общности (литовцы) у большинства чиновников сомнений не вызывала⁸. Крестьян, говоривших на литовских наречиях, часть чиновников рассматривала как возможную опору империи и достаточно часто как «потенциальных русских», обосновывая эту точку зрения теориями, согласно которым если литовцы и не славяне, то очень близкая славянам группа. Проблема состояла в том, что большинство литовцев исповадовало католичество и это превращало их в «потенциальных поляков»⁹.

⁴ Nationalizing Empires / Ed. S. Berger, A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015; *Brüggemann K.* Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert; Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / Ред. И. Герасимов. Казань: Ab Imperio, 2017. С. 398; *Kotenko A.* An Inconsistently Nationalizing State: The Romanov Empire and the Ukrainian National Movement // The Tsar, The Empire, and The Nation. Dilemmas of Nationalization in Russia's Western Borderlands, 1905–1915 / Ed. D. Staliūnas, Y. Aoshima. Budapest; New York: CEU Press, 2021. P. 17–31.

⁵ М. Рольф в исследовании, посвященном Царству Польскому, констатирует, что «вся сложность управления полиэтническими империями становится нам видна только в таких местных конфликтных сообществах» (*Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 27). Этот вывод справедлив в отношении если не всех, то большинства окраин Российской империи.

⁶ *Dolbilov M.* Russification and the Bureaucratic Mind in the Russian Empire's Northwestern Region in the 1860s // *Kritika*. 2004. № 5. P. 261.

⁷ Согласно официальной статистике того времени, из примерно 5,6 млн жителей Северо-Западного края немногим более 3 млн составляли русские (русские, белорусы, украинцы), около 0,5 млн – поляки, около 1,5 млн – литовцы (в это число входили и латыши, проживавшие в Витебской губернии), около 0,6 млн – евреи. См.: *Staliūnas D.* Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam; New York, NY: Rodopi, 2007. P. 111.

⁸ Жемайтія (Самогития; лит. Žemaitija, от лит. žemas («низкий», «нижний»), в рассматриваемый период часто Жмудь (термин мог использоваться и как этноним)) – северо-западная часть Литвы. В XIX веке могла иметь как исторические коннотации (земли бывшего Жемойтского староства), так и этнолингвистические (территория, население которой говорит на жемайтійском диалекте).

⁹ Терминология введена Джоном Уильямом Слокумом: *Slocum J. W.* The Boundaries of National Identity: Religion, Language, and Nationality Politics in late Imperial Russia, PhD, The University of Chicago. Chicago, IL, 1993. P. 105. Первым в отношении литовцев эту терминологию применил Теодор Р. Уикс: *Weeks T. R.* Official Russia and Lithuanians, 1863–1905 // *Lithuanian Historical Studies*. 2001. Vol. 5. P. 68–84.

Наличие «дискурсивного капкана» иллюстрируют и некоторые решения властей. Если решение о невведении (вплоть до конца существования империи) в трех губерниях – Виленской, Ковенской, Гродненской – институтов местного самоуправления – земств, поскольку существовало опасение, что в земствах возьмут верх враждебно настроенные к России этнические группы, не было необычным – земства не были введены и в Прибалтийских губерниях, и в Царстве Польском, то ситуация отсутствия во всем Северо-Западном крае высшей школы с середины XIX века весьма красноречива. Университеты или высшие школы другого типа в середине XIX – начале XX века работали в Царстве Польском, Прибалтийских губерниях, Великом княжестве Финляндском и в Юго-Западном крае (Киевская, Волынская и Подольская губернии). Если мы посмотрим на географию высших школ в западных губерниях Российской империи, Северо-Западный край выглядит пустыней. Такая ситуация сложилась вопреки планам и местного общества, и имперских властей, пытавшихся учредить в этом регионе высшую школу. Хотя край был объявлен «исконно русскими землями», опасения, что университет, политехническая или сельскохозяйственная высшая школа попадет под влияние поляков или евреев, не позволяли осуществить ни один из проектов, которые были крайне необходимы как для уменьшения экономической отсталости края, повышения уровня образования, так и в более широком плане – для модернизации империи¹⁰.

Эта книга о том, как Российская империя реализовывала концепцию «национальной империи» в Северо-Западном крае, с какими проблемами пришлось столкнуться имперским властям и к каким результатам привела национальная политика, проводившаяся с середины XIX века до конца существования империи Романовых¹¹. Национальная империя – это империя, в которой и в результате символических практик, и в результате конкретных мер национальной политики рядом с недоминирующими национальными группами появляется доминирующая нация. Такое представление об империи может осмысляться как в старых – сословных категориях (в этом случае русский народ представляется «как подобие нового господствующего сословия – вроде дворянства в дореформенной России, надтерриториальной системообразующей группы»¹²), так и как полития, имеющая черты национального государства, то есть такая, в которой есть титульная нация и национальные меньшинства. Тяготение в сторону «национальной империи», конечно, совсем не означает отсутствие конкурирующих представлений об империи, основанных на сотрудничестве с элитой окраин.

Проводившаяся в рассматриваемый нами период национальная политика, которая была призвана превратить представления о национальной империи в реальность, определялась как «обрусение»; это определение мы встречаем и в более поздней исторической литературе. В книге я предлагаю метод деконструкции стоявшей за этим понятием национальной политики, то есть метод ее описания современным научным языком. Я стремлюсь в самом общем смысле ответить на вопросы, какие цели преследовали власти в Северо-Западном крае в отношении наиболее многочисленных этнических групп (белорусов, литовцев, евреев и поляков) и какие средства применялись для достижения этих целей¹³. Я стараюсь ответить на вопросы о том, что значит «обрусение» в XIX веке, в чем сходства и различия имперской политики в отноше-

---

¹⁰ *Staliūnas D.* Visuomenė be universiteto? (Aukštosios mokyklos atkūrimo problema Lietuvoje: XIX a. vidurys – XX a. pradžia). Vilnius: LII, 2000.

¹¹ Книга не претендует на отражение общей картины российской политики на исторических землях ВкЛ. Тем, кого интересует эта тема, можно рекомендовать сборник работ под редакцией М. Д. Долбилова и А. И. Миллера: *Западные окраины Российской империи* / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

¹² Новая имперская история Северной Евразии, часть 2: Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / Под ред. Ильи Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. С. 300.

¹³ Поскольку в центре исследования находится политика, проводившаяся имперскими властями, этнонимы используются в том значении, в каком их понимали чиновники и публицисты. То есть эти категории нельзя соотносить ни с современными понятиями национальной и культурной принадлежности, ни с доминировавшими в то время самоидентификациями членов рассматриваемых групп.

нии литовцев, поляков, белорусов и евреев; почему имперские власти так часто рассматривали проекты этнического территориализирования именно этого региона; почему чиновники ставили перед собой задачу массового обращения в православие белорусов, но практически не стремились превратить в православных литовцев, почему к незначительному числу перешедших в «господствующую религию» поляков и евреев относились с подозрением; почему власти, преследуя достаточно разные цели, использовали практически идентичные (на первый взгляд) средства конфессиональной инженерии, например введение русского языка при отправлении религиозных обрядов «иностранных исповеданий»; почему в Северо-Западном крае кириллица была обязательна для белорусов, украинцев, литовцев и проживавших в Витебской губернии латышей, но ни в коем случае не для поляков этого края (хотя кириллица достаточно широко использовалась в этот период в Царстве Польском) и не для евреев (кириллизация идиша или иврита в то время даже не обсуждалась); почему в учрежденных после восстания 1863–1864 годов в Ковенской губернии народных школах учителя сначала общались с учениками только с помощью жестов, как герой романа Даниеля Дефо Робинзон Крузо с Пятницей; почему именно в этом регионе еще в 1860-х годах обсуждается политика сегрегации в отношении евреев, хотя в масштабах империи переход к такой политике осуществляется только в 1880-х годах; с какими вызовами столкнулась национальная политика в 1905 году и позже в условиях нового политического режима, когда часто декларировались те же цели и предлагались те же средства, которые были в арсенале адептов «русского дела» на полвека раньше. Эти вопросы, ответы на которые составляют лишь небольшую часть анализируемых в этой книге проблем, достаточно ярко демонстрируют разнообразие «обрусения» в Северо-Западном крае, и это разнообразие я и попытаюсь раскрыть.

Понятие «обрусение» и в бытовом, и в академическом контексте достаточно часто имеет этноцидные коннотации, и уже одно это превращает данное явление (правда, не столько в контексте истории понятий (*Begriffsgeschichte*), сколько в контексте обсуждения национальной политики) в важный объект национальной историографии. Историографию, посвященную политике России в Северо-Западном крае и несколько шире – на западных окраинах империи, условно можно разделить на две части¹⁴. Сначала я хотел бы остановиться на той части историографии, которая «репрезентирует» не доминировавшие в Российской империи национальные группы, и более подробно рассмотреть становление литовской исторической литературы, посвященной этой проблеме. Такой выбор обусловлен несколькими причинами. Во-первых, насколько мне известно, литовская историография этой проблематики гораздо более многочисленна в сравнении, например, с польской или белорусской. Во-вторых, литовская национальная историография, в отличие от белорусской, имеет более глубокие традиции, поскольку она имела возможность развиваться в межвоенный период. Даже в советское время каноны марксизма советского толка ощущались в Литве не так сильно, как в Белоруссии. В-третьих, литовская историография известна мне лучше всего.

Вторая часть обзора историографии будет посвящена западной и современной российской историографии. Такая комбинация объясняется характерными для обеих историографий тенденциями выбора методов исследования, формулирования выводов и достаточно хорошо наблюдаемого стремления дистанцироваться от национальных историографий, «представляющих» недоминирующие национальные группы Российской империи.

¹⁴ Более ранние публикации на эту тему см.: Сталюнас Д. Имперский режим в Литве в XIX веке (По литовским учебникам истории) // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 365–390; *Он же*. Взгляд на политику Российской империи в литовской историографии // *Западные окраины Российской империи* / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 533–552. С целью экономии места и в этой части, рассматривающей историографию, и в других частях книги приводится более краткий в сравнении с предыдущими публикациями список литературы.

Историография

В литовской историографии первой половины XX века наряду с доминировавшей этноцентристской антипольской парадигмой, определенной литовско-польским конфликтом, переросшим в межгосударственную конфронтацию после 1918 года, когда II Польская республика присоединила к своей территории «сердце Литвы» – историческую столицу Вильнюс¹⁵, имелся еще один фактор, оказывавший влияние на изучение литовской истории XIX века и национальной политики Российской империи, – отсутствие очень важных исторических источников. Основные архивы, связанные с историей Литвы в составе Российской империи, оказались за пределами Литовской республики – в Вильно, Ленинграде и Москве. В условиях отсутствия источников детальные исследования отдельных эпизодов истории XIX века, особенно имперской политики, были практически невозможны. Лакуны архивных материалов заполнили другие исторические источники – прежде всего мемуары, в первую очередь связанные с сопротивлением насаждавшейся властями кириллице. Характер этих источников влиял и на историографию, где основное внимание оказалось сосредоточено на сопротивлении этнических литовцев «обрусению».

У литовских историков межвоенного периода не вызывало сомнений наличие столкновения литовцев с «русскими властями». При обзоре российской политики исследователи обращали внимание на то, что она не оставалась постоянной. В исследованиях приводятся следующие факторы, корректировавшие национальную политику в отношении литовцев: взгляды российских императоров; вызовы со стороны нерусского населения («польские» восстания, сопротивление литовцев запрету печати в латинской графике), изменение международной ситуации, различные течения в российском обществе (движение славянофилов). Фиксация изменений российской национальной политики в зависимости от обстоятельств позволяет надеяться, что литовские историки обращали внимание и на изменение целей российской политики. И действительно, достаточно часто при рассмотрении российской политики в Северо-Западном крае исследователи отмечают такие изменения. Так, ксендз Антанас Алякна (*Antanas Alekna*), рассматривая российскую политику конца XVIII – первой половины XIX века (до восстания 1863–1864 годов), по сути упоминает только дискриминационные меры, не останавливаясь на целях, которые преследовали власти, а описывая период после восстания 1863–1864 годов, автор уже недвусмысленно говорит о политике «обрусения»¹⁶. Несмотря на то что термин «обрусение» не эксплицируется, понятно, что автор понимал этот термин как ассимиляцию (и абсолютно не вызывает сомнений, что именно так обрусение понималось читателями). Период после подавления восстания 1863–1864 годов пользовался наибольшим вниманием историков. В польской историографии того же периода главенствовали схожие тенденции, краткое определение им дал Анджей Новак (*Andrzej Nowak*) – «империя против поляков, поляки против империи»: историков прежде всего интересовали восстание, нелегальная деятельность поляков и репрессии российских властей¹⁷.

Тем не менее в межвоенной Литве существовала и другая тенденция оценки российской политики, существование которой отчасти можно объяснить принципом «враг моего врага – мой друг». Поскольку основными врагами Литвы в то время, как мы уже знаем, были поляки, а Российская империя, вне всякого сомнения, проводила антипольскую политику, Россию

---

¹⁵ О важности вильнюсского вопроса для литовского национализма см.: *Mačiulis D., Staliūnas D. Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question, 1883–1940. Marburg: Herder-Institut, 2015.*

¹⁶ *Alekna A. Lietuvos istorija. Kaunas, 1918. P. 115–121; Ruseckas P. Spaudos draudimo gadynė. Kaunas, 1929. P. 5–6.*

¹⁷ *Новак А. Борьба за окраины, борьба за выживание: Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (Обзор современной польской историографии) // Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 429.*

можно было рассматривать позитивно. И во II Литовской республике появляются публикации, в которых и российская национальная политика, и даже кириллизация литовских изданий оценивались положительно. В литовской историографии, как и в белорусской советской историографии того времени, делаются попытки реабилитировать Михаила Николаевича Муравьева¹⁸. Так, Паулюс Шляжас (*Paulius Šležas*) предлагал отказаться от навязанного поляками образа М. Н. Муравьева. По мнению историка, литовцы должны быть благодарны виленскому генерал-губернатору за антипольскую политику, улучшение экономической ситуации литовских крестьян и так далее. Без этих мер властей, согласно П. Шляжасу, не состоялось бы и «литовское возрождение». И эти заслуги М. Н. Муравьева гораздо более важны, чем те негативные последствия, которые повлекло за собой стремление властей утвердить в Литве русский элемент¹⁹. Правда, в более поздних публикациях П. Шляжас осторожнее оценивает политику М. Н. Муравьева и ее последствия для литовцев. Хотя П. Шляжас и позже не указывал на русификаторские цели М. Н. Муравьева, объясняя введение кириллицы стремлением отдалить литовцев от поляков и приблизить к русским²⁰, он признавал, что трудно решить, чего для литовцев было больше в национальной политике виленского генерал-губернатора – пользы или вреда²¹.

Ситуация в области литовского исторического нарратива радикально изменилась в 1940-х годах. Официальная концепция истории Литовской ССР теперь должна была быть не только марксистской, но и соответствующей принципам идеологии дружбы народов, сформулированной в Советском Союзе в середине 1930-х годов и утверждавшей, что русским и русской культуре в СССР принадлежит ведущая роль. Кроме того, официальная идеология, пропитанная примордиализмом, стала применяться и ко всему историческому процессу²². Другими словами, народам были присвоены определенные, не меняющиеся с течением времени роли, поэтому одни народы стали символами прогресса (русские), другие – реакции (немцы, американцы и пр.). Официальная историография начала требовать демонстрации проявления в ходе истории прогрессивной роли русского народа и русской культуры, описания того, как «повезло» соседним народам, в том числе и литовцам, которые смогли присоединиться «к великому русскому народу» в борьбе за прогресс. В соответствии с этой идеологией и конструировался исторический канон Литовской ССР: литовцы создали свое государство благодаря русскому народу, вместе с восточными славянами защищались от западных агрессоров, разделы Речи Посполитой сыграли прогрессивную роль и так далее. Большого количества усилий потребовали доказательства положительного влияния на литовцев разделов Речи Посполитой в конце XVIII века после «падения» польско-литовского государства: ускорилось экономическое развитие Литвы, передовая российская общественная мысль оказала положительное влияние на развитие литовской культуры²³, усилилась классовая борьба и, наконец, литовцы были защищены от грозившей им полонизации²⁴. Иногда приводились и конкретные факты, призванные доказать, что наибольшая угроза ассимиляции литовского народа исходила не от властей, а от литовской шляхты и «реакционного духовенства» (иными словами – поляков). С 1860-х годов в учебниках остается только одно обстоятельство, позволяющее усмотреть поло-

¹⁸ *Сельвестрова-Куль С. Е.* Историография политики царизма в Белоруссии и национальное возрождение белорусов // *Славяноведение*. 1996. № 5. С. 8.

¹⁹ *Šležas P.* Muravjovas ir mūsų tautinis atgimimas // *Rytas*. 1929. Nr. 239–241.

²⁰ *Šapoka A.* Lietuvos istorija. Kaunas: Švietimo ministerijos knygų leidimo komisijos leidinys, 1936. P. 486–487.

²¹ *Šležas P.* Muravjovo veikimas Lietuvoj 1863–1865. Kaunas, 1933. P. 39–40. Похожая позиция: *Klimas P.* Muravjovo laikmetis Lietuvos žemės ir žemininkų istorijoje. Vilnius, 1920.

²² Более подробно см.: *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; London: Cornell UP, 2001. P. 432–461.

²³ *Paleckis J.* Mintys apie vyresnįjį brolių. Vilnius, 1959. P. 19.

²⁴ *Žiugžda J.* Antanas Mackevičius – Lietuvos valstiečių vadovas kovoje prieš carizmą ir dvarininkus. Vilnius: Mintis, 1951. P. 5–6; Lietuvos TSR istorija. D. I: Nuo seniausių laikų iki 1861 metų / Red. J. Žiugžda. Vilnius: Politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1953. P. 356–358.

жительное влияние включения Литвы в состав Российской империи, – ускорение развития экономики²⁵.

Правда, в написанном еще в 1957 году учебнике истории Юозаса Юргиниса (Juozas Jurginis) не акцентируется защита литовцев от ассимиляции после включения Литвы в состав Российской империи²⁶. Практически с 1970-х годов авторы уходят от оценки этого факта и ограничиваются сухим описанием перемен, имевших место после вхождения Литвы в состав Российской империи. В части белорусской историографии и в новейших монографиях сохраняется тенденция усматривать положительные аспекты присоединения территорий Великого княжества Литовского к Российской империи: централизованная империя принесла политическую стабильность, положившую конец «феодальной анархии»; расширился рынок, что способствовало не только экономическому росту, но и национальной консолидации белорусов²⁷. В работах литовских историков советского периода, посвященных истории XIX века, наряду с особым вниманием к борьбе «трудящихся масс» и пролетариата (особенно – к распространению идей марксизма) в Литве XIX века (описывается в границах Литовской ССР) «присутствуют» только литовцы, что, конечно, соответствовало действовавшему в Советском Союзе принципу «распределения труда».

Власти, против которых боролось литовское национальное движение, конечно, описывались в классовых категориях: «Классовые враги народных масс – литовские феодалы и русский царь – объединились, несмотря на национальные различия»²⁸. Менялось и определение власти в сравнении с исторической литературой межвоенного периода. Теперь это не «русские власти», но «царская власть» или «царизм». При описании мотивации политики и действий властей, конечно, отмечалось, что политика после восстания приобрела больше признаков дискриминации, власти должны были принимать во внимание растущее революционное движение, сопротивление литовского народа запрету литовской печати в латинской графике. В 1950-х годах и отчасти в начале 1960-х годов в опубликованных исторических работах действия «царизма» определялись как «политика национального угнетения» (такая формулировка особенно характерна для 1960-х годов)²⁹ или подобным образом. Нетрудно объяснить, почему эта политика не называлась ассимиляционной или русификационной. Признав, что власти стремились русифицировать представителей других национальностей, было бы трудно обосновать тезис о положительном влиянии на литовскую национальную культуру присоединения Литвы к Российской империи. Существование связи между этими двумя утверждениями подтверждает и уже упоминавшийся нами учебник Ю. Юргиниса. Как уже отмечалось, в этом учебнике не упоминается о положительном влиянии на литовскую национальную культуру включения Литвы в состав Российской империи. И поэтому неудивительно, что в этой работе политика «царских властей» после восстания 1863–1864 годов определяется как стремление русифицировать литовцев³⁰. В более поздние годы историки уже не ставили под сомнение стремление властей «русифицировать край»³¹.

²⁵ *Berlinskienė A., Gaigalaitė A., Jurginis J., Pilkauskas Z. Lietuvos TSR istorija VII–VIII klasei / Red. J. Žiugžda. Kaunas: Valstybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1962. P. 28.*

²⁶ *Jurginis J. Lietuvos TSR istorija. Vadovėlis vidurinėms mokykloms. Kaunas: Valstybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1957.*

²⁷ И эти, и оппонирующие тенденции рассматриваются в: *Токть С. Российская империя и ее политика на белорусских землях в XIX – начале XX в. в современной белорусской историографии // Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 506, 524, 527.*

²⁸ *Lietuvos TSR istorija nuo seniausių laikų iki 1857 metų / Vyr. red. J. Žiugžda. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958. P. 129–130.*

²⁹ *Lietuvos TSR istorija. 1963. T. 2. P. 201.*

³⁰ *Jurginis J. Lietuvos TSR istorija. Vadovėlis vidurinėms mokykloms. Kaunas: Valstybinė pedagoginės literatūros leidykla, 1957. P. 73.*

³¹ *Vėbra R. Pravoslavų dvasininkija ir nacionalinė priespauda Lietuvoje XIX a. antrojoje pusėje // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. T. VIII. 1966. P. 76–95; Vėbra R. Lietuvos katalikų dvasininkija ir visuomeninis judėjimas (XIX a. antroji*

В конце 1950-х – начале 1960-х годов при описании репрессий «царской власти» после восстания 1863–1864 годов отмечались, в сущности, только дискриминационные меры, направленные против литовцев и литовской культуры³². Это не должно вызывать удивления, поскольку восстание 1863–1864 годов трактовалось прежде всего как народное восстание против дворян и «царизма», а «польскому» восстанию отводилась второстепенная роль. Особое внимание уделялось запрету литовской печати в латинской графике. Но встречались и исключения. В 1965 году Витаутас Мяркис представил более полную картину дискриминационной политики, проводившейся Россией после восстания 1863–1864 годов, и стало понятно, что жертвами этой политики были не только литовцы³³. В опубликованной в 1988 году истории Литвы четко сказано, что «царская власть» проводила дискриминационную политику в отношении поляков и иноверцев³⁴, правда, и здесь основное внимание уделено описанию политики, направленной против литовцев и литовской культуры³⁵.

Относительная либерализация советского режима приблизительно с середины 1960-х годов позволила литовским историкам более свободно выбирать темы исследований. В советское время за исключением проблематики, призванной служить упрочению идеологического базиса советской системы³⁶, с фактографической точки зрения, пожалуй, лучше всего были исследованы темы кириллизации литовской письменности (прежде всего обстоятельства введения и упразднения запрета на печать) и сопротивления литовского общества этой политике (издание литовских книг в Пруссии, их нелегальный ввоз и распространение и так далее)³⁷. Значимость этой темы в литовской историографии того времени связана со стремлением историков отказаться от навязываемой идеологемы «дружбы народов», то есть с определенным интеллектуальным сопротивлением советской системе. Политика царской России в отношении недоминирующих национальных групп могла порождать у читателя аналогии с реалиями советского времени³⁸. При этом следует признать, что подобная тема не была самой опасной для советского режима – в отличие от многих других проблем литовской истории Новейшего времени ее можно было исследовать, публиковать работы³⁹.

Начавшийся после провозглашения независимости Литвы в 1990 году (фактически – в 1988 году) процесс освобождения от идеологических ограничений оставил след и в историографии. В течение последующих десятилетий литовские историки опубликовали намного больше работ, посвященных истории Литвы в составе Российской империи, чем за весь более ранний период существования литовской профессиональной историографии. Рост количества

pusė). Vilnius: Mintis, 1968.

³² Žiugžda J. Lietuvos TSR istorija nuo seniausių laikų iki 1857 metų. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958. P. 192–195.

³³ Merkys V. Lietuvių nacionalinio judėjimo XIX a. socialinės-ekonominės priežastys // Lietuvos TSR istorijos bruožai / Sud. J. Jurginis. Kaunas: Šviesa, 1965. P. 58–60.

³⁴ Jučas M., Lukšaitė I., Merkys V. Lietuvos istorija nuo seniausių laikų iki 1917 metų. Vilnius: Mokslas, 1988. P. 137, 139.

³⁵ Ibid. P. 143–144.

³⁶ Помимо работ, посвященных кириллизации литовской письменности, к исследованиям, рассматривающим национальную политику Российской империи, относится солидная работа Мэйле Лукшене (Meilė Lukšienė), посвященная школам первой половины XIX века: Lukšienė M. Lietuvos švietimo istorijos bruožai XIX a. pirmojoje pusėje. Kaunas: Šviesa, 1970.

³⁷ Tyla A. Prie lietuviškųjų spaudinių gotiškomis raidėmis uždraudimo istorijos // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų darbai: Bibliotekininkystės ir bibliografijos klausimai. T. 6. 1967. P. 171–174; Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla / Par. A. Tyla. Vilnius: LTSR MA Istorijos institutas, 1973; Vėbra R. Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. 1976. T. XVI (2). P. 34–50; Merkys V. Nelegalioji lietuvių spauda kapitalizmo laikotarpiu (ligi 1904 m.). Politinės jos susikūrimo aplinkybės. Vilnius: Mokslas, 1978.

³⁸ Особенно хорошо известна история, касающаяся опубликованных Антанасом Тилой (Antanas Tyla) в 1973 году исторических источников «Lietuvių spaudos draudimo panaikinimo byla» («Дело об упразднении запрета на литовскую печать»): эту книгу можно было купить, только имея разрешение директора Института истории Академии наук Литовской ССР.

³⁹ О белорусской историографии см.: Токть С. Российская империя и ее политика на белорусских землях в XIX – начале XX в. в современной белорусской историографии // Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 504.

работ был вызван ростом интереса общества к истории, а также ростом числа профессиональных историков-исследователей. У ученых появилась возможность переиздать более ранние работы, освободив их от обязательных в советское время цитат классиков марксизма-ленинизма, и опубликовать исследования, которые советская власть не пропускала в печать⁴⁰. Политические перемены позволили историкам и в Литве, и в других странах постсоветского пространства исследовать новые темы, находившиеся в советское время фактически под запретом, в частности историю различных конфессий, а также российскую конфессиональную политику. Однако с точки зрения развития историографии важны не новые темы сами по себе, но концептуальные изменения.

Прежде всего следует отметить, что сохранилась очень сильная, сформировавшаяся в межвоенный период и развившаяся в советское время этноцентрическая концепция истории, согласно которой власти Российской империи понимаются как носители идей современного национализма, преследовавшие, начиная непосредственно после имевших место в начале XVIII века разделов Речи Посполитой, на территории Литвы основную цель – ассимиляцию литовцев⁴¹. Похожие тенденции характерны и для белорусской историографии⁴².

При этом с 1988 года формируется и другая тенденция, представленная в посвященных XIX веку работах историков более молодого поколения – авторов издания «Lietuvių Atgimimo istorijos studijos» («Исследования истории литовского Возрождения»). Кредо этой группы исследователей сформулировали Эгидиус Аляксандровичюс (Egidijus Aleksandravičius) и Антанас Кулакаускас (Antanas Kulakauskas) в опубликованной в 1996 году книге «Carų valdžioje. Lietuva XIX amžiuje» («Под царской властью. Литва в XIX веке»)⁴³, указав, что предметом книги является «гражданская история Литвы». Переход от этноцентристской перспективы к гражданской, при котором объектом литовской истории становится не одна этническая группа, но все общество, конечно, наблюдается не только в исследованиях, посвященных истории XIX века, но и в работах, посвященных другим эпохам⁴⁴. Новая перспектива позволила по-иному увидеть и историю Литвы XIX века. Для литовских историков стало привычным определять границы Литвы в соответствии с принципом историзма, то есть исследовать Литву такой, какой ее понимали современники⁴⁵; изучать не только историю литовцев, но и других проживавших в Литве этнических групп. Наконец, исследователи отказались и от упрощенной оценки российской политики.

В современной литовской историографии подчеркивается, что важнейшими целями российских властей на окраинах империи было обеспечение политической лояльности представителей нерусского населения, обеспечение стабильности империи, и не представляется возможным утверждать, что в течение всего рассматриваемого периода единственным устремлением была ассимиляция представителей других национальностей, и прежде всего – литовцев. Ясно указывается, что главным врагом имперские власти считали поляков и все польское⁴⁶, при-

⁴⁰ Tyla A. *Garšvių knygnešių draugija*. Vilnius, 1991; *Merkys V. Draudžiamosios lietuviškos spaudos kelias 1864–1904*. Vilnius, 1994; *Idem. Knygnešių laikai 1864–1904*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 1994; *Vėbra R. Lietuviškos spaudos draudimas 1864–1904 metais*. Vilnius: Pradai, 1996.

⁴¹ *Vėbra R. Lietuvių visuomenė XIX a. antrojoje pusėje. Socialinės struktūros bruožai*. Vilnius: Mokslas, 1990. P. 18; *Merkys V. Knygnešių laikai*. P. 9; *Idem. Motiejus Valančius: tarp katalikiško universalizmo ir tautiškumo*. Vilnius: Mintis, 1999. P. 49.

⁴² *Szybieka Z. Historia Białorusi. 1795–2000*. Lublin: Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 2002. S. 24.

⁴³ *Aleksandravičius E., Kulakauskas A. Carų valdžioje. XIX amžiaus Lietuva*. Vilnius: Baltos lankos, 1996. P. 217.

⁴⁴ Более подробно см.: *Staliūnas D. From Ethnocentric to Civic History: Changes in Contemporary Lithuanian Historical Studies // Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised / Ed. K. Matsuzato. Hokkaido: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005. P. 311–331.*

⁴⁵ В современной белорусской историографии прослеживается тенденция описывать Белоруссию XIX века в этнографических категориях, то есть как территорию с преобладающим белорусским населением.

⁴⁶ Этот тезис хорошо иллюстрирует исследование российской цензуры в Литве: *Medišauskienė Z. Rusijos cenzūra Lietuvoje XIX a. viduryje*. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas, 1998.

чем, например, при рассмотрении периода правления Николая I невозможно утверждать, что национальная политика была направлена против литовского языка, поскольку литовский язык не считался общественно значимым⁴⁷. При этом также подчеркивается, что систематически проводить «политику располчания» во время правления Николая I власти также не могли, поскольку ощущалась нехватка средств и людей, и, наконец, не ставилась цель уничтожить господствующее сословие – дворянство⁴⁸. Политика «русификации», по утверждению этой группы литовских историков, имела место в течение достаточно непродолжительного периода после подавления восстания 1863–1864 годов⁴⁹. Национальная политика в этот период однозначно оценивается как ассимилятивная⁵⁰, иногда ее называют и «тотальной русификацией»⁵¹. Такие определения встречаются и в части белорусской историографии, для которой характерна тенденция экстраполировать действия имперских властей, направленные против белорусов, на всю национальную политику на западных окраинах Российской империи⁵². Большинство авторов, описывая политику российских властей после восстания 1863–1864 годов, отмечают различия между действиями властей в Северо-Западном крае, где дискриминационная политика была достаточно всеобъемлющей, и более мягкой политикой в Августовской (позже – Сувалкской) губернии, где также жили литовцы.

Таким образом, можно говорить о том, что в литовской историографии, посвященной политике Российской империи, несмотря на существенные различия, присутствовало единое мнение о том, что (во всяком случае, после восстания 1863–1864 годов⁵³) власти стремились превратить литовцев в русских. Эту позицию при определении целей имперской политики по отношению к нерусскому населению разделяет и большинство белорусских исследователей. Похожие тенденции мы видим и в польской историографии, где в течение последних десятилетий наблюдается рост интереса к национальной политике России, в том числе и на исторических землях Великого княжества Литовского⁵⁴.

Генрих Глембоцкий (Henryk Głębocki) в своей новаторской книге, посвященной «польскому вопросу» в Российской империи середины XIX века, опираясь не столько на практику национальной политики, сколько на общественные дискуссии, не раз подчеркивает стремление имперских властей «русифицировать» поляков⁵⁵. При этом он показывает, что в среде правящей и интеллектуальной элиты Российской империи отношение к полякам меняется не после восстания 1863–1864 годов, но уже в 1861 году, когда становится понятно, что для русских неприемлемо стремление поляков объединить Западный край с Царством Польским в одну административную единицу. «Польский вопрос» и особенно восстание 1863–1864 годов, как считает историк, усилили русский национализм. Поскольку восстание воспринималось как

⁴⁷ Aleksandravičius E., Kulakauskas A. Carų valdžioje. P. 67–68.

⁴⁸ Aleksandravičius E., Kulakauskas A. Carų valdžioje. P. 72.

⁴⁹ Ibid. P. 53, 82–83, 92.

⁵⁰ Kulakauskas A. Kova už valstiečių sielas. Caro valdžia, Lietuvos visuomenė ir pradinis švietimas XIX a. viduryje. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla, 2000. P. 6. Отмечу, что в этой работе элементы такой политики отмечаются уже после восстания 1830–1831 годов.

⁵¹ Kulakauskas A. Rusifikacinės masinio pradinio švietimo sistemos kūrimo Kauno gubernijoje pradžia (XIX a. 7-asis dešimtmetis) // Praeities baruose. Vilnius: Žara, 1999. P. 211.

⁵² Нарысы гісторыі Беларусі у 2-х частках. Ч. 1. С. 129, 333; Смалянчук А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх літоўскіх землях 1864–1917 г. Санкт-Пецярбург: Неўскі працяг, 2004. С. 114; Гісторыя Беларусі. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). Мінск: УП «Экаперспектыва», 2005. С. 243, 270.

⁵³ В российской историографии это, как и предыдущее восстание 1830–1831 годов, называется Польским.

⁵⁴ Обзор этой историографии см.: Новак А. Борьба за окраины, борьба за выживание. С. 429–464.

⁵⁵ Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków: Arcana, 2000. По мнению Г. Глембоцкого, предложения славянофилов, и прежде всего Александра Федоровича Гильфердинга, поддерживать развитие литовской, белорусской и украинской культур было лишь временной мерой борьбы с поляками, при этом основной целью оставалась русификация; *Он же*. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // Ab Imperio. 2005. № 2. С. 135–166.

«шляхетский мятеж», правящая элита империи попыталась использовать в Царстве Польском инструменты социального радикализма – Николай Алексеевич Милютин, руководитель Учредительного комитета в Царстве Польском (Komitet Urządzący Królestwa Polskiego), пытался разъединить дворянство и народ с помощью крестьянской реформы и других средств.

Витольд Родкевич (Witold Rodkiewicz) выделяет две модели российской национальной политики 1863–1905 годов: имперскую стратегию (imperial strategy), акцентировавшую основанную на лояльности к империи политическую интеграцию, сторонники которой не брезговали поддержкой более слабых национальных движений с целью создания противовеса более сильным и верили, что литовцы, белорусы-католики и католики-украинцы позже ассимилируются сами, критиковали агрессивную политику в отношении представителей других национальностей как отвращающую от всего русского; при этом сторонники бюрократического национализма (bureaucratic nationalism) описывали принадлежность к русской нации в этнических и конфессиональных категориях и стремились к лингвистической и культурной ассимиляции представителей других национальностей. По мнению польского историка, в 1863–1904 годах доминировала вторая модель национальной политики⁵⁶. Монографию В. Родкевича, написанную на основе диссертации, защищенной в Гарвардском университете, пожалуй, следует отнести не к польскому нарративу, но к традиции западной историографии, изучающей национальные проблемы в Российской империи. К рассмотрению западной традиции я сейчас и перейду⁵⁷.

В западной историографии периода холодной войны национальная политика Российской империи XIX века, как и национальная политика Советского Союза, не была приоритетной темой. В исторической литературе господствовала руссоцентристская трактовка Российской империи⁵⁸. Игнорирование национальных проблем исторической наукой может быть объяснено и господствовавшей в то время в Западной Европе установкой, трактовавшей национализм как «отживший» исторический феномен. Изучение окраин империи было «резервировано» для «представителей» недоминировавших национальных групп – поляков, евреев, финнов, которые, согласно Эдварду Тайдену (Edward Thaden), продолжали традицию, заложенную в 1860-х годах публицистами Остзейских губерний и Польши, трактовавшими имперскую национальную политику как стремление русифицировать представителей других национальностей⁵⁹.

Эта прямолинейная трактовка была поставлена под сомнение в конце 1970-х – начале 1980-х годов⁶⁰. Неудивительно, что одними из первых в тезисе, согласно которому русификация означала безоглядную ассимиляцию, усомнились историки, изучавшие политику Российской империи в Великом княжестве Финляндском, во внутреннюю жизнь которого имперские власти, как известно, вмешивались минимально⁶¹. Наибольший вклад в «ревизионизм»

⁵⁶ Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Liublin: Scientific Society of Liublin, 1998. P. 13–16.

⁵⁷ Наибольшее внимание здесь уделено историографии, опубликованной до 2007 года, то есть до издания книги «Making Russians». Новейшая литература приведена в следующей части введения, в которой описываются использованный метод исследования и структура книги.

⁵⁸ Pearson R. Privileges, Rights, and Russification // Civil Rights in Imperial Russia / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 88; Raeff M. Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities // Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. San Fransisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 127; Семенов А. М. Англо-американские исследования по истории российской империи и СССР // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. И. Герасимов и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 613–614.

⁵⁹ Thaden E. C. Russification in Tsarist Russia // E. C. Thaden with the collaboration of M. F. Thaden. Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe. New York: Social Science monographs, Boulder, 1990. P. 211.

⁶⁰ Starr F. Tsarist Government: The Imperial Dimension // Soviet Nationality Policies and Practices / Ed. J. R. Azrael. New York: Praeger Publishers, 1978. P. 3–38.

⁶¹ Pistohlkors G. von. «Russifizierung» in den Baltischen Provinzen und in Finnland im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Neue westliche Darstellungen // Zeitschrift für Ostforschung. 1984. B. 33. S. 592–606.

внес Э. Тайден, выделивший три типа русификации: незапланированный (случаи, когда нерусские подданные по собственному желанию перенимали русскую культуру, язык, обычаи и пр.); административный (запланированная попытка ввести российские институты и законы, а также русский язык в государственных учреждениях и школах – такая политика, согласно автору, господствовала в Прибалтийских губерниях и в Финляндии); культурный (в этом случае власти стремились к тому, чтобы представители других национальностей перенимали русскую культуру, – такую политику пытался проводить Александр III)⁶².

Для того чтобы в историографии произошли более значительные изменения, потребовался развал Советского Союза и всего советского блока. С одной стороны, конец существования Советского Союза завершил историю России как «многонациональной империи»⁶³, с другой стороны, восстановление и создание новых национальных государств ярко продемонстрировали силу национализма.

В оценках национальной политики Российской империи в последние десятилетия просматривается тенденция отказа от понимания национальной политики России как системной ассимиляции представителей других национальностей. Рэймонд Пирсон (Raymond Pearson) утверждал, что у России не было ни амбиций, ни ресурсов для ассимиляции нерусского населения, возможно, за исключением белорусов и украинцев⁶⁴. Достаточно часто отмечается, что имперские власти использовали и политический принцип «разделяй и властвуй» – поддерживали более слабый национализм в его борьбе с более сильным, то есть с тем, который считался более опасным для империи или для интегральности русской нации⁶⁵. Кимитака Матсузато (Kimitaka Matsuzato) считал такую политику в определенном смысле неизбежной. По мнению ученого, власти Российской империи на тех окраинах государства, где они сталкивались с абсолютно нелояльно настроенным народом (на западных окраинах – это поляки), проводили политику «этнического бонапартизма», то есть старались противопоставить своему самому сильному врагу на этой территории другие недоминирующие национальные группы. В такие места назначались только те генерал-губернаторы, которые были готовы проводить политику «разделяй и властвуй»⁶⁶.

Можно считать общей для западной и российской историографий тенденцию дифференцировать цели российской национальной политики с точки зрения времени, отдельных территорий и отдельных этнических групп. Наиболее ярко эта трактовка отражена в работах Андреаса Каппелера (Andreas Kappeler), который подчеркивает, что до конца существования империи власти стремились не к русификации, а к обеспечению политической стабильности⁶⁷. Согласно А. Каппелеру, до 1831 года в Российской империи доминировала политика, основанная на кооперации с социальной и политической элитой присоединенных земель, и от новых подданных требовалась прежде всего политическая лояльность. И только с 1831 года и еще в большей степени с 1860-х годов усиливается политика культурной интеграции (именно к этой

⁶² Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. E. C. Thaden. Princeton: Princeton University Press, 1981. P. 8–9.

⁶³ Kappeler A. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 9.

⁶⁴ Pearson R. Privileges, Rights, and Russification // *Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 89–90.

⁶⁵ Kappeler A. Nationsbildung und Nationalbewegungen im Russländischen Reich // *Archiv für Sozialgeschichte*. 2000. B. 40. S. 71; Snyder T. *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven; London: Yale University Press, 2003. P. 49.

⁶⁶ Матсузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // *Новая имперская история постсоветского пространства* / Сост. И. Герасимов и др. Казань: Центр изучения национализма и империи, 2004. С. 429.

⁶⁷ Kappeler A. Historische Voraussetzungen des Nationalitätenproblems im russischen Vielvölkerreich // *Geschichte und Gesellschaft*. 1982. B. VIII, 2. S. 159–183; *Idem*. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München: C. H. Beck, 1992. S. 203–204, 225–228.

политике автор предлагает применять термин «русификация»), однако и эта политика не менялась последовательно в отношении всех недоминировавших групп. А. Каппелер сформулировал положение о влиянии на «этническую иерархию» Российской империи трех факторов: фактора лояльности недоминирующих этнических групп, сословно-социального фактора и фактора культурной (религиозной, языковой и пр.) близости к великороссам. По мнению ученого, вплоть до конца существования империи наибольшую роль играли первые два фактора, при этом во второй половине XIX века их нередко дополнял, а иногда и заменял культурный фактор. Этнические группы, находившиеся в наибольшей близости к центру этнической иерархии, подвергались минимальной дискриминации, но в то же время они (прежде всего украинцы и белорусы) испытывали и максимальное ассимиляционное давление⁶⁸.

С последним тезисом в западной и российской историографии согласно большинство исследователей. Но иногда встречаются и исключения. Так, в монографии российского историка Анны Альфредисовны Комзоловой, посвященной политике Российской империи в Северо-Западном крае и прежде всего анализу отношения к этой политике разных групп правящей и интеллектуальной элиты, утверждается, что власти, в первую очередь генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман, стремились применять меры, предусматривавшие «полную этническую ассимиляцию польского населения Северо-Западного края»⁶⁹.

Не относит русификацию к основным целям национальной политики России и Теодор Р. Уикс (Theodore R. Weeks)⁷⁰, делая исключение в этом случае для политики в отношении белорусов и украинцев. В статьях, посвященных политике России в отношении литовцев, он прежде всего обращает внимание на то, что говорят сами имперские чиновники о целях национальной политики. Особое внимание исследователь уделяет отчетам губернаторов. Он отмечает, что обычно чиновники как цель национальной политики указывали русификацию края, но не конкретной этнической группы. При этом Т. Р. Уикс считает, что ответить на вопрос, стремились ли власти к русификации литовцев, сложно⁷¹.

Достаточно популярным в исторической литературе стал тезис о том, что расширение империи проходило за счет русского народа, то есть мультиэтнический характер государства не позволил осуществить проект современного русского народа⁷². Реагируя на такие концепции, Алексей Ильич Миллер утверждает, что дефиниция национализма Эрнеста Геллнера (Ernest Gellner), согласно которой национализм – это движение, стремящееся к конгруэнции политических и культурных границ, соответствует национализму недоминирующих этнических групп, но не соответствует тем случаям, когда у национализма имеется «своя» империя. А. И. Миллер утверждает, что российская правящая и интеллектуальная элиты различали понятия русской «национальной территории» и империи: империя никогда не понималась как те границы, в которых могло проходить осуществление проекта современной русской нации, то есть имперские власти никогда не стремились к конгруэнции Российской империи и русской культуры, иначе говоря, к ассимиляции представителей всех других национальностей. Однако в

⁶⁸ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений / Отв. ред. А. И. Миллер, В. Ф. Репринцев, Б. Н. Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 125–144.

⁶⁹ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 172. В этой книге на основании фондов исключительно архивов центральных учреждений детально описаны некоторые меры национальной политики в Северо-Западном крае, но при этом следует отметить, что автор, не будучи знакома с местными архивами, далеко не полно смогла описать реализацию национальной политики.

⁷⁰ Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863–1914. De Kalb: Northern Illinois University Press, 1996. P. 13, 17, 69.

⁷¹ Weeks T. R. Russification and the Lithuanians, 1863–1905 // Slavic Review. 2001. Vol. 60. № 1. P. 96–114; *Idem*. Official Russia and Lithuanians, 1863–1905 // Lithuanian Historical Studies. 2001. Vol. 5. P. 68–84.

⁷² Hosking G. Empire and Nation-Building in Late Imperial Russia // Russian Nationalism. Past and Present / Ed. G. Hosking and R. Service. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 19–34; *Idem*. Rußland. Nation und Imperium, 1552–1917. Berlin: Siedler, 2000; Rowley D. G. Imperial Versus National Discourse: The Case of Russia // Nations and Nationalism. 2000. Vol. 6 (1). P. 23–42.

умах правящей и интеллектуальной элит существовало представление о части империи, которая с этнокультурной точки зрения была русской или должна была такой стать⁷³.

А. И. Миллер сформулировал и всю программу русификации «классифицировать и понять». Российский ученый предлагает обратить внимание на многозначность процесса русификации в Российской империи: объем понятия «русификация» зависел от того, как определялась принадлежность к русскому народу; понятие имело разное значение по отношению к разным этническим группам; в определенных случаях ясно прослеживался порог «отверженной ассимиляции», то есть границы готовности империи и русского общества принять обрусение (так, с большим подозрением относились к обрусевшим евреям); для процесса русификации были важны обе стороны – и имперские власти, и представители нерусской национальности, у которых часто могли быть свои стимулы изучать русский язык, перенимать русскую культуру и пр.⁷⁴

Несмотря на то что в западноевропейской и российской историографии обычно утверждается, что после подавления восстания 1863–1864 годов и особенно в период с 1880-х годов вплоть до революции 1905 года усиливалась дискриминационная политика в отношении представителей нерусских групп⁷⁵, некоторые из упомянутых мной авторов, а также множество других склонны подчеркивать непоследовательность российской национальной политики. Ученые отмечают, что в империи отсутствовал институт координации национальной политики, применяемые властями меры чаще всего были не этапами заранее планировавшихся действий, но лишь ответом на «вызовы» со стороны представителей других национальностей (например, «польское» восстание и пр.), поэтому приходят к выводу об отсутствии в Российской империи последовательной национальной политики⁷⁶. Российский историк Леонид Ефремович Горизонтов подчеркнул эту непоследовательность и в названии книги – «Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше»⁷⁷.

Более продуктивным в сравнении с тезисом о непоследовательности национальной политики представляется подход, стремящийся выделить конкурирующие представления об империи и/или соответствующие этим представлениям стратегии национальной политики, характерный для работ В. Родкевича⁷⁸. Карстен Брюггеманн (Karsten Brüggemann) вслед за Марком Бассином (Mark Bassin) показал, как перцепция Прибалтийских губерний в российском дискурсе коррелировала с различными представлениями об империи – «европейской», «антиевропейской», «национальной»⁷⁹. Т. Р. Уикс выбрал двух деятелей для представления различных позиций по отношению к нерусскому населению: Василия Иосифовича Гурко, сына варшав-

⁷³ Miller A. Shaping Russian and Ukrainian Identities in the Russian Empire During the Nineteenth Century: Some Methodological Remarks // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. В. 49. Н. 2. S. 258; Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // *Российская империя в сравнительной перспективе* / Сост. М. Баталин, А. Миллер. М.: Новое издательство, 2004. С. 265–270; Miller A. Between Local and Inter-Imperial. Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm // *Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. № 1. P. 23; *Nationalizing Empires* / Ed. S. Berger, A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015.

⁷⁴ Миллер А. И. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 133–148; *Он же*. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 54–77.

⁷⁵ Person R. Privileges, Rights, and Rusification, Civil Rights in Imperial Russia / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 94–97, 102; Thaden E. Russification in Tsarist Russia // Edward C. Thaden with the collaboration of M. Forster Thaden, *Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe*. New York: Social Science monographs, Boulder, 1990. P. 211–220; Hosking G. *Rußland. Nation and Imperium, 1552–1917*. Berlin: Siedler, 2000. S. 408.

⁷⁶ Person R. Privileges, Rights, and Rusification // *Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 89–90; Lieven D. *The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven; London: Yale UP, 2002. P. 275; Weeks T. R. *Managing Empire: Tsarist Nationalities Policy* // *The Cambridge History of Russia*. Vol. II: *Imperial Russia, 1689–1917*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 27–44.

⁷⁷ Горизонтов Л. Е. *Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше*. М.: Индрик, 1999.

⁷⁸ Kivelson V. A., Suny R. G. *Russia's Empires*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 250–252.

⁷⁹ Brüggemann K. *Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018.

ского генерал-губернатора Иосифа Владимировича Гурко, и виленского генерал-губернатора Петра Дмитриевича Святополк-Мирского⁸⁰. М. Д. Долбилов видит в российской конфессиональной политике динамическую смену политики «дисциплинирования» (когда государство предоставляет «иностранным» исповеданиям важные функции) и политики «дискредитации» (которая, часто будучи мотивирована различными фобиями, стремилась к умалению роли неправославных конфессий)⁸¹.

Параллельно существует и другая точка зрения, сторонники которой склонны не замечать различий российской национальной политики, конкретно – конфессионального подхода. Роберт Круз (Robert Crews) экстраполирует практики российской конфессиональной политики из Волго-Уральского региона в первой половине XIX века на всю империю, а также и на более поздний период и представляет Российскую империю как «конфессиональное государство», явно переоценивая благосклонность императоров к религиозной ортодоксии и игнорируя религиозную юдофобию⁸². При этом часть современных российских и белорусских историков считает своим долгом поиск оправдания действий имперских властей в отношении неправославных конфессий, что заставляет ученых прибегать к риторике чиновников XIX века и не замечать никакой дискриминации нерусского и неправославного населения⁸³.

«Ревизионистские» интерпретации постепенно утвердились и в работах историков, посвященных «еврейскому вопросу». В последнее время историки отказались от понимания российской политики в отношении евреев как последовательной дискриминации этой этноконфессиональной группы с целью ее русификации. Исследователи утверждают, что и часть российских императоров, и некоторые представители российской правящей элиты достаточно положительно относились к евреям и усиление дискриминационной политики было вызвано не только позицией тех представителей политической элиты России, для которых были характерны сильные юдофобские взгляды (важно и то, что эта юдофобия определялась не только унаследованным религиозным антииудаизмом, но и экономическим и политическим расчетом), но и другими факторами: замкнутостью самой еврейской общины, распространенными в обществе антиеврейскими настроениями. В современной историографии большинство исследователей согласны с тем, что имперские власти не стремились к ассимиляции евреев и с 1880-х годов вообще перешли к политике сегрегации; несмотря на широкую распространенность антиеврейских фобий среди представителей правящей элиты, власти не стимулировали антиеврейских погромов и пр. В то же время отмечается, что даже те российские чиновники, которые были позитивно настроены по отношению к евреям, не смогли представить реальных проектов интеграции или ассимиляции этой этнокультурной группы, поскольку руководствовались в большей степени абстрактными, а не реальными представлениями о евреях⁸⁴.

Таким образом, одной из причин, ставших определяющими для изменений курса российской национальной политики, в западной и российской историографии считают «вызовы» со стороны представителей других национальностей, прежде всего «польские» восстания. Эти восстания, в особенности восстание 1863–1864 годов, убедили имперские власти в том, что проводившаяся ранее политика сотрудничества с элитой окраин себя не оправдала, поэтому

⁸⁰ Weeks T. R. *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863–1914*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996. P. 47–54.

⁸¹ Долбилов М. Д. *Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

⁸² Crews R. *Empire and Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth Century Russia* // *American Historical Review*. 2003. Vol. 108/1. P. 50–83.

⁸³ Тихонов А. К. *Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII–XX в.* СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007; Бендин А. Ю. *Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.)*. Минск: БГУ, 2010.

⁸⁴ С целью экономии места историография «еврейского вопроса» не приводится. Отметим, что речь идет о работах Дж. Д. Клира, Й. Петровского-Штерна, М. Станиславского, Б. Натанса, М. Аронсона и других.

последовал переход к русификации⁸⁵. Поскольку восстание затронуло не только Царство Польское, но и Северо-Западный край, новые эксперименты в области национальной политики интенсивно проводились на всей территории бывшего Польско-Литовского государства. И поэтому периоду, последовавшему за восстанием 1863–1864 годов, в этой книге будет уделено особое внимание.

Усиливавшиеся с ростом влияния идеологии национализма в среде правящей элиты представления о «национальной» или «национализирующей» империи в исторической литературе были названы еще одной причиной смены курса национальной политики⁸⁶. И здесь особая роль вновь отводится восстанию 1863–1864 годов, приведшему к росту русского национализма⁸⁷. Этот аспект интересно рассматривает Ольга Евгеньевна Майорова, обоснованно утверждая, что правящая династия не была склонна признавать народ субъектом истории, поскольку подобное признание потенциально могло означать вызов легитимности династии. Единственными эпизодами, когда власти могли решиться на определенный компромисс, то есть признать народ самостоятельным субъектом истории, представляли собой критические ситуации, когда возникала угроза целостности государства, например войны. Именно так понималась ситуация в 1863–1864 годах. Воспользовавшись идиомой войны, русские интеллектуалы, прежде всего М. Н. Катков и Иван Сергеевич Аксаков, в публичном дискурсе превратили русских в политически доминирующий в империи народ. Невозможность выражения в политическом пространстве и влияние военного трюпа, как считает О. Е. Майорова, и определили агрессивный характер русского национализма⁸⁸.

Восстание 1863–1864 годов в российском публичном дискурсе изображалось как наступление врага извне. Внешние факторы и изменение международной ситуации также названы в историографии причинами, оказывавшими влияние на национальную политику царской России. Очень обобщенно эти причины можно разделить на две части. Прежде всего на Россию оказывали влияние протекавшие в Европе процессы, в первую очередь в Италии и Германии: распространение национального принципа в Европе стало вызовом для правящей элиты России, склонной поддерживать целостность империи с помощью династического патриотизма⁸⁹. В других случаях имперские власти прибегали к тем или иным мерам национальной политики

⁸⁵ Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. Munich: C. H. Beck, 1992. S. 203, 227; Hosking G. *Empire and Nation-Building in Late Imperial Russia* // *Russian Nationalism. Past and Present* / Ed. G. Hosking and R. Service. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 28–29; Рольф М. *Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой*. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 25, 166, 512.

⁸⁶ В историографии принято отличать пропагандированную властями идеологию от русского общественного национализма. Исследователи отмечают, что идеология русского общественного национализма, точнее ее различные варианты, на протяжении XIX века все больше влияла на власти, однако правящая элита до самого конца существования империи отдавала предпочтение имперской идеологии. К современному национализму власти относились с осторожностью еще и потому, что он потенциально требовал смены суверена – сувереном должен был быть уже не император, но народ. Как точно заметил Роналд Г. Суни (Ronald G. Suny), «по официальному сценарию народ любил царя, но не санкционировал и не легитимизировал его право монархической власти»: Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «Национальное» самосознание и теория империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 56. Также о дифференциации этих идеологий см.: Kappeler A. *Bemerkungen zur Nationsbildung der Russen* // *Die Russen. Ihr Nationalbewußsein in Geschichte und Gegenwart* / Hrsg. A. Kappeler. Köln: Markus, 1990. S. 19–35; Миллер А. И. «Украинский вопрос». С. 11; Weeks T. R. *Official and Popular Nationalisms: Imperial Russia 1863–1914* // *Nationalism in Europe. West- und Osteuropa im Vergleich* / Hrsg. U. v. Hirschhausen, J. Leonard. Göttingen: Wallstein Verlag, 2001. P. 411–432; Renner A. *Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the «Invention» of National Politics* // *Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. № 4. P. 663.

⁸⁷ Miller A. *Shaping Russian and Ukrainian Identities in the Russian Empire During the Nineteenth Century: Some Methodological Remarks* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. B. 49. H. 2. S. 260; Renner A. *Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855–1875*. Köln; Wien: Böhlau, 2000. S. 185–273.

⁸⁸ Maiorova O. *War and Peace. The Trop of War in Russian Nationalist Discourse during the Polish Uprising of 1863* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 3. P. 501–534.

⁸⁹ Renner A. *Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855–1875*. Köln; Wien: Böhlau, 2000. S. 102–117; Maiorova O. *War and Peace. The Trop of War in Russian Nationalist Discourse during the Polish Uprising of 1863* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 3. P. 501.

в зависимости от международных интересов или в качестве реакции на национальную политику других государств. Так, меры, применявшиеся в отношении украинцев, корректировались с оглядкой на политику Габсбургов в Восточной Галиции, объединение Германии меняло отношение к остзейским немцам и так далее⁹⁰. Эти контексты, как мы увидим ниже, важны и при исследовании национальной политики в Северо-Западном крае. Лингвистическая политика в отношении украинцев затронула и белорусов, считавшихся частью триединой русской нации. Точно так же постоянно менявшееся отношение правящей и интеллектуальной элиты империи к остзейским немцам можно проследить и на исторических землях Великого княжества Литовского, где остзейские немцы составляли пусть количественно незначительную, но достаточно репрезентативную группу, особенно в Ковенской губернии, кроме того, имперские власти решали вопрос, можно ли использовать остзейских немцев для уменьшения польского влияния.

Еще одним фактором, оказывавшим влияние на национальную политику, была модернизация, то есть, прежде всего, стремление унифицировать империю с целью удобства управления государством⁹¹. Одним из таких эпизодов ускорения модернизации в Российской империи были реформы, проводившиеся во время правления Александра II, известные как Великие реформы. М. Д. Долбилов связал цели Великих реформ с политикой русификации на западных окраинах империи. Некоторые меры национальной политики в Северо-Западном крае он объясняет не только как средства ассимиляции, но и как стремление имевших реформаторские установки чиновников унифицировать социальную ситуацию в Северо-Западном крае и во внутренних районах России, отдалить крестьян от враждебно настроенного дворянства и таким образом «приблизить» народ к реформируемому государству⁹².

В исторической литературе существует единое мнение по поводу того, что нерусский национализм до Первой мировой войны не был опасен для целостности империи⁹³. Однако этот вывод необязательно означает, что имперские власти успешно справились со всеми вызовами национализма. Штефан Бергер (Stefan Berger) и А. И. Миллер в книге «Национализирующие империи» (Nationalizing Empires) концентрируют внимание на проходивших в недрах империй процессах национальной консолидации, которые, по мнению историков, были достаточно успешными. Авторы также подчеркивают, что укреплявшийся национализм в империях имел целью «в большей степени сохранять и расширять империи, а не их распад или трансформацию в национальные государства» (preservation and extension of empires rather than at the dissolution of empires or the transformations of entire empires into nation-states)⁹⁴. А. И. Миллер показывает, как монархия пользуется национализмом в качестве источника легитимации и какие отношения устанавливаются между имперскими властями и общественным русским национализмом⁹⁵. Эта тема была объектом исследований и других ученых. Т. Р. Уикс считает, что «после 1905 года официальный и общественный национализмы сближаются как никогда прежде» (after 1905 official nationalism and popular nationalism became closer than ever),

---

⁹⁰ Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München: C. H. Beck, 1992. S. 228; Mille A. *Between Local and Inter-Imperial. Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm* // *Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. № 1. P. 18–19.

⁹¹ Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München: C. H. Beck, 1992. S. 226.

⁹² Dolbilov M. *Imperijos biurokratija ir lietuvių kalbos lotyniškais rašmenimis draudimas 1864–1882 m.* // *Raidžių draudimo metai / Sud. D. Staliūnas*. Vilnius: LII leidykla, 2004. P. 111–137.

⁹³ Lieven D. *The Russian Empire and Its Rivals*. P. 284.

⁹⁴ Berger S., Miller A. *Introduction: Building Nations in and with Empires – A Reassessment* // *Nationalizing Empires* / Ed. S. Berger and A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015. P. 3.

⁹⁵ Miller A. *The Romanov Empire and the Russian Nation* // *Nationalizing Empires* / Ed. S. Berger and A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015. P. 309–368.

несмотря на то что между этими двумя типами национализма существует «постоянное напряжение» (a constant tension)⁹⁶.

Но даже если мы согласимся с положением о том, что в центре империи шел процесс сближения имперских властей и русского общественного национализма, все равно остается открытым вопрос о том, как действовала эта национализация империи и могла ли она в долгосрочной перспективе повлиять на интеграцию нерусского населения. А. И. Миллер и М. Д. Долбилов отмечают, что в 1907 году имперские власти, изменив порядок проведения выборов в Думу и уменьшив представительство нерусских народов, фактически отказались от интеграции нерусских народов в политическую систему империи⁹⁷. В подготовленном журналом *Ab Imperio* учебнике утверждается, что имперская национальная политика, несмотря на стремление сохранить целостность государства, по своей сути была антиимперской в том смысле, что она не наметила места в политическом теле империи для представителей нетитульных наций⁹⁸. К достаточно категоричному выводу приходит и Файс Хиллис (Faith Hillis), исследовавшая различные коллективные идентификации и проявления национализма в Правобережной Украине: «Российские цари, бюрократы и интеллектуалы доказали свою неспособность найти консенсус по поводу того, как империя должна ответить на национальные вызовы. Они не могли руководствоваться этнонациональными мотивами, управляя империей, как и не могли опираться на гражданский национализм, не подрывая тем самым устои автократической системы. Российские лидеры не смогли найти идеи и учреждения, способные объединить подданных царя в национализирующемся мире, что привело к ослаблению внутренней стабильности империи»⁹⁹.

Итак, те историографии, которые «представляют» недоминировавшие этнические группы, склонны видеть в действиях российских властей больше последовательности и русификации, как минимум после восстания 1863–1864 годов, в то время как западная и российская историографии подчеркивают непоследовательность имперской национальной политики, а радикальные средства гомогенизации при этом обычно отмечаются только в отношении белорусов и украинцев. Историки, относящиеся к первой группе, чаще всего анализируют конкретные меры национальной политики, поскольку, по их мнению, и так известно, к чему стремились российские власти, и меньше внимания уделяют вопросам о том, как чиновники различного ранга формулировали цели этой политики и какой терминологией они при этом пользовались; историки же, относящиеся ко второй группе, напротив, прежде всего анализируют публичный и непубличный дискурсы, представления об империи¹⁰⁰.

Принимая во внимание поле исследований, в настоящей книге предлагается подход, позволяющий интегрировать наиболее сильные стороны обеих условно разделенных историографических традиций.

---

⁹⁶ Weeks T. R. Official and Popular Nationalisms: Imperial Russia 1863–1914 // Nationalism in Europe: West- und Osteuropa im Vergleich / Ed. U. v. Hirschhausen and J. Leonard. Göttingen: Wallstein Verlag, 2001. P. 412, 432.

⁹⁷ Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 367.

⁹⁸ Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / Ред. И. Герасимов. Казань: Ab Imperio, 2017. С. 286.

⁹⁹ Hillis F. Children of Rus'. Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation. Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 2013. P. 7.

¹⁰⁰ Конечно, это лишь общие тенденции, сюда не смогут войти работы некоторых исследователей, например М. Д. Долбилова, который уделяет много внимания не только общественному и официальному дискурсам, но и практике конфессиональной политики.

Метод исследования и структура книги

Если мы хотим выяснить, стремились ли чиновники Российской империи к этноциду, нам необходимо прежде всего понять не только господствующие представления об империи, рецепции окраин и высказывания о целях национальной политики, но и то, на основе каких критериев в то время в российском дискурсе устанавливалась национальная принадлежность. Поэтому надо исследовать три взаимосвязанные проблемы. В первую очередь необходимо выяснить, как чиновники различных рангов и влиятельные публицисты формулировали цели национальной политики, обращая при этом особое внимание на то, какой терминологией они пользовались (обрусение, ассимиляция, слияние, сближение и пр.) и какие значения связывались с этой терминологией. Далее следует установить, как в то время в российском дискурсе понималась национальная принадлежность, то есть кого считали поляком, русским, евреем, литовцем и так далее, и как, с точки зрения чиновников и влиятельных российских публицистов, можно было изменить национальную принадлежность, или, другими словами, что должен был сделать не относящийся к русской нации подданный империи, чтобы имперские власти начали считать его русским (декларировать лояльность императору или империи, изменить внешний вид, выучить русский язык и пользоваться им в домашнем кругу, перейти в православие и так далее). Установив, как в то время понималась национальная принадлежность, то есть какие сегменты национального идентитета считались наиболее важными, необходимо проследить, пытались ли власти изменить или упразднить маркеры, свидетельствующие об инаковости той или другой национальной группы. Попытки изменить или элиминировать маркеры, свидетельствующие об отличиях недоминирующей этнической группы, могут сигнализировать о достаточно разных стратегиях национальной политики, которые, как в «долгом XIX столетии», так и в исторической литературе, часто определяются одним и тем же термином – «русификация».

Для того чтобы раскрыть разнообразные смыслы понятия «русификация», я воспользуюсь предложенной американским историком Бенджамином Натансом (Benjamin Nathans) дистинкцией между ассимиляцией, аккультурацией и интеграцией: «*Ассимиляция* следует понимать как процесс, который завершается с исчезновением элемента узнавания определенной группы общества. Напротив, *аккультурация* означает приспособление к форме окружающего общества, которая меняет, но не упраздняет признаков различия, особенно в сфере культуры и идентичности. *Интеграция* дополняет аккультурацию (хотя они необязательно проходят одновременно) в социальной сфере – интеграция может быть институционной (например, в сфере образования), географической (по месту жительства) или экономической (в профессиональной деятельности)»¹⁰¹. То есть аккультурация может, но не в обязательном порядке, быть предварительной стадией ассимиляции. Понятие интеграции я расширю, и меры, с помощью которых имперские власти стремились превратить представителей других национальностей в лояльных подданных, также буду считать интеграцией. В практике национальной политики встречаются действия, которые могут быть определены как сегрегационная политика. Сегрегацией я буду называть политику властей, ограничивающую возможности какой-либо недоминирующей национальной группы выбирать место жительства или характер деятельности (посещать общие школы, занимать должности на государственной службе и пр.).

Ассимиляционные, аккультурационные, интеграционные или сегрегационные элементы политики коррелируют с представлениями об империи и с вытекающими из них стратегиями национальной политики. В этой книге я буду пользоваться дистинкцией между стратегиями

---

¹⁰¹ Nathans B. *Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002. P. 11.

имперской и националистической национальной политики, которые в данном случае понимаются как определенные идеальные типы. *Имперская* стратегия – это такая политика, когда приоритетом является политическая лояльность всех подданных империи и власти не применяют насильственных мер для достижения аккультурации и тем более ассимиляции, хотя последние могут быть желательны; *националистическая* стратегия предполагает представление о том, что путь к политической лояльности лежит через культурную гомогенизацию, поэтому на том пространстве империи, которое понимается как русская «национальная территория», предпринимается попытка обеспечить лояльность нерусского населения путем применения ассимилятивной и аккультурационной политики, а в тех случаях, когда применить такую политику невозможно или применить ее не удастся, государство прибегает к мерам сегрегационной политики, при этом преимущества предоставляются тем, кого считают русскими¹⁰².

При такой стратегии исследования одинаково важными являются анализ и официального, и общественного дискурса (что и как говорится о целях национальной политики, как понимается национальная принадлежность) и рассмотрение конкретных, чаще – дискриминационных, действий властей. После того как станет понятно, какой маркер доминирует при определении национальной принадлежности, нужно проследить, стремились ли власти элиминировать или модифицировать этот маркер. Например, если при исследовании национальной политики Российской империи окажется, что доминирующей являлась конфессиональная парадигма, следует ответить на вопрос, предпринимали ли власти попытки обратить исповедовавших «иностранные исповедания» в православие, то есть ассимилировать, или использовались иные формы конфессиональной инженерии, то есть привлекались средства аккультурации. Преимущество такого подхода в том, что он, с одной стороны, позволяет рассматривать действия властей в более длительной перспективе, увидеть долгосрочные тенденции даже в том случае, если тот или другой влиятельный чиновник не очень четко осознавал, каких целей национальной политики позволяет достичь применение тех или иных мер.

Книга состоит из трех разделов. В первом рассматривается перцепция исторических земель Великого княжества Литовского в общественном и (более подробно) в официальном русском дискурсах, то есть выясняется, каким образом это пространство на российской ментальной карте начало восприниматься как русская «национальная территория»¹⁰³. Я попытаюсь выяснить, можно ли согласиться с утверждением, что, в отличие от этнических белорусских земель, территория проживания литовцев на российской ментальной карте не трактовалась как русская «национальная территория»¹⁰⁴. В этом разделе я буду анализировать смену названий края, инструментализацию исторических, этнографических и национальных статистических данных, проводившихся с целью доказать исконную русскость этого региона, связи реализованных и оставшихся на бумаге территориально-административных реформ с перцепцией субрегионов этого края в российском дискурсе, а также символическое освоение пространства.

---

¹⁰² Похожим образом различные стратегии имперской политики описаны В. Родкевичем, исследовавшим политику России в 1863–1905 годах, но между подходом В. Родкевича и подходом, примененным в этой книге, имеются существенные различия: В. Родкевич понимает эти стратегии как реально существовавшие, а не как идеальные типы; кроме того, он наделяет эти стратегии определенными свойствами, которые, с моей точки зрения, трудно обосновать: например, он пишет, что бюрократический национализм стремился превратить империю в русское национальное государство, при этом интеграцию В. Родкевич понимает как «полную лингвистическую и культурную русификацию нерусского населения» (a full linguistic and cultural russification of non-Russians) и считает, что представители имперской стратегии национальность [nationhood] понимали как политическую лояльность и эта стратегия предполагала поддержку устремлений литовцев, белорусов, украинцев как противоядие против поляков.

¹⁰³ О научной литературе, посвященной проблематике ментальных карт, см.: *Schenk F. B. Mental Maps: The Cognitive Mapping of the Continent as an Object of Research of European History // European History Online (EHO). Mainz: Leibniz Institute of European History (IEG), 2013-07-08. <http://www.ieg-ego.eu/schenkf-2013-en>. URN: urn:nbn:de:0159-2013070216* (просмотрено 6 июля 2021).

¹⁰⁴ *Miller A. The Romanov Empire and Nationalism. Essays in the methodology of historical research. Budapest; New York: CEU Press, 2008. P. 163, 170.*

Понимание того, как и Северо-Западный край, и его отдельные субрегионы с белорусским и литовским большинством концептуализировались на российской ментальной карте, то есть того, какая территория и насколько последовательно считалась русской «национальной территорией», поможет определить, какие смыслы вкладывались в понятие «обрусение».

Разнообразие этих смыслов рассматривается во втором и третьем разделах. Анализ открывает обзор периода, последовавшего за подавлением восстания 1863–1864 годов. Как уже отмечалось, именно этот «мятеж» в историографии считается переломным моментом национальной политики не только в том регионе, где шло восстание, но и в империи в целом. В данном случае будет применен ситуативный подход¹⁰⁵, который, с моей точки зрения, является дополненным вариантом регионального подхода и явно контрастирует с характерной для национальных историографий концентрацией исключительно на одном национальном вопросе¹⁰⁶. Я буду анализировать политику имперских властей, руководствуясь ментальной картой имперских чиновников и влиятельных публицистов, то есть на территории всего Северо-Западного края, поскольку представители властей не только в Вильне, но и в Санкт-Петербурге моделировали национальную политику именно в рамках этого региона. Шесть губерний Северо-Западного края¹⁰⁷ в самый разгар «обрусения» были подчинены одному и тому же центру силы местных властей – виленскому генерал-губернатору, и до самого конца существования империи этот регион входил в состав Виленского учебного округа.

Однако многие метаморфозы национальной политики невозможно объяснить, руководствуясь лишь узко понимаемым региональным подходом, поскольку «польский вопрос» в Северо-Западном крае был тесно связан с имперской политикой в Царстве Польском, литовцы проживали не только на находившейся в подчинении виленского генерал-губернатора территории, но и в Царстве Польском, поэтому имперские чиновники в Вильне и Варшаве иногда советовались по вопросам политики в отношении литовцев; «еврейский вопрос», несмотря на инициативы местных адептов «русского дела», мог решаться только в столице империи с учетом ситуации во всей черте оседлости, и так далее. Другими словами, я пытаюсь принять во внимание взгляды и влияние всех действующих лиц, которые так или иначе участвовали в концептуализации и осуществлении национальной политики в Северо-Западном крае, в том числе и косвенно. Во втором разделе я пытаюсь выяснить, каким образом с помощью аналитических категорий – ассимиляции, аккультурации, интеграции, сегрегации – можно описать национальные политические практики, применявшиеся имперскими властями в отношении поляков, евреев, белорусов и литовцев.

В третьем разделе анализ продолжается: рассматривается ситуация начала XX века в условиях изменившегося политического режима в несколько более узком регионе – в «урезанном» Виленском генерал-губернаторстве, то есть в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях, хотя большинство рассматриваемых тенденций национальной политики были теми же и в остальной части Северо-Западного края. В данном случае не анализируется «еврейский вопрос», который в конце существования империи, очевидно, стал прерогативой центральных властей. Если во второй половине XIX века явно доминировала парадигма *националистической* национальной политики, то в начале XX века можно наблюдать конкуренцию этой парадигмы с *имперской*. В третьем разделе книги ставится вопрос о том, имели ли власти в конце существования Российской империи четкое направление национальной политики в Северо-

¹⁰⁵ Miller A. Between Local and Inter-Imperial. Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm // *Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. № 1. P. 5–26; Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 28–32.

¹⁰⁶ Критику региональной политики можно найти не только в работах А. И. Миллера. См., например: *Brüggemann K. Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. S. 22–23.

¹⁰⁷ Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская.

Западном крае, которое с точки зрения самих властей могло быть результативным, то есть как минимум способным обеспечить лояльность недоминирующих этнических групп. Я утверждаю, что такой стратегии у имперских чиновников не было и они фактически смирились с нелояльностью по отношению к Российской империи недоминирующих национальных групп этого региона (во всяком случае, элит этих групп).

Основным предметом исследования этой книги является проводившаяся Российской империей национальная политика, поэтому главные герои книги – чиновники различных рангов: и представители центральной власти, и местные должностные лица, которые (особенно в 1860-х годах) не только проводили национальную политику, но нередко были и инициаторами различных мер, нацеленных на лингвистическую или конфессиональную инженерию. Вторая половина XIX – начало XX века – эпоха, когда государственные служащие различных рангов были вынуждены реагировать на публичный дискурс, поэтому значимыми персонажами книги стали и влиятельные публицисты. В силу этих причин в предлагаемом вниманию читателей исследовании я в основном опираюсь на официальные, часто неопубликованные, документы, конфиденциальную межведомственную и частную переписку различных чиновников, представителей властей и влиятельных общественных деятелей. Существенно дополняют важную для исследования источниковедческую базу опубликованные в XIX веке интерпретации истории Великого княжества Литовского, этнографические и другие описания этого региона, публицистика.

Даты в книге приводятся по лианскому календарю, действовавшему в Российской империи. Этот календарь отстает от григорианского календаря, который использовался в Царстве Польском, на 12 дней в XIX веке и на 13 дней – в XX веке. В тех случаях, когда документы оформлены в Царстве Польском и адресованы центральному учреждению, дата указана в соответствии с обоими календарями.

* * *

Несмотря на то что я много раз участвовал в российских научных конференциях, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Воронеже, и опубликовал около десяти статей на русском языке, у меня впервые появилась возможность представить в виде книги русскоязычным читателям результаты исследований, проводившихся в течение нескольких десятилетий.

Как обобщение результатов многолетней работы книга не является ни новым исследованием, ни точным переводом одной монографии – она опирается на материалы трех опубликованных ранее работ: монографии «Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863» (Amsterdam; New York: Rodopi, 2007) и статей «Poland or Russia? Lithuania on the Russian Mental Map» (Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century / Ed. D. Staliūnas. Boston: Academic Studies Press, 2016. P. 23–95), «Challenges to Imperial Authorities' Nationality Policy in the Northwest Region, 1905–1915» (The Tsar, the Empire, and the Nation. Dilemmas of Nationalization in Russia's Western Borderlands, 1905–1915 / Ed. D. Staliūnas and Y. Aoshima. Budapest; New York: CEU Press, 2021. P. 33–66).

После публикации положенной в основу книги монографии появилось немало важных исследований, посвященных политике России на западных окраинах империи, – прежде всего работы М. Д. Долбилова, Мальте Рольфа (Malte Rolf) и К. Брюггеманна (Karsten Brüggemann)¹⁰⁸. Книги Рольфа и Долбилова вышли в издаваемой «Новым литературным обо-

---

¹⁰⁸ Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера; Brüggemann K. Licht und Luft des Imperiums, Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018; Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020 (впервые книга издана на немецком языке: Rolf M. Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915), Oldenburg: De Gruyter, 2015).

зрением» серии *Historia Rossica*. Для меня большая честь опубликовать свою книгу именно в этой серии, так высоко ценимой в академическом мире.

Я хочу поблагодарить за перевод книги на русский язык Татьяну Александровну Тимченко и выразить отдельную благодарность команде «Нового литературного обозрения», работавшей над книгой на заключительной стадии ее подготовки к печати. Также выражаю благодарность коллегам из раздела Истории XIX века Института истории Литвы, особенно Зите Медишаускене (*Zita Medišauskienė*), Ольге Мастянице (*Olga Mastianica*) и Вильме Жалтаускайте (*Vilma Žaltauskaitė*), а также Григорию Поташенко (*Grigorjus Potašenko*) за помощь при подготовке этой книги.

Перевод книги стал возможен благодаря гранту фонда поддержки научных исследований «Научный совет Литвы» (*Lietuvos mokslo taryba*; договор № S-LIP-21-23). Все исследования, опубликованные в этой книге, были подготовлены в Институте истории Литвы.

Раздел I. Земли Великого княжества Литовского на ментальных картах имперской элиты

В этой главе речь пойдет о том, с помощью каких дискурсивных практик создавалась концепция, согласно которой Литва являлась не только владениями Российской империи, но и русской «национальной территорией». И прежде всего посмотрим, как имперские власти меняли название региона, и проясним важные, критические моменты имперского символического конструирования пространства на этой территории¹⁰⁹. Далее необходимо будет выяснить, какие научные (или псевдонаучные), идеологические и политические инструменты использовали имперские чиновники и интеллектуальная элита российского государства в процессе символического освоения именно этого региона. Затем будет рассмотрено, какое влияние оказала ментальная карта на перекраивание административных границ, то есть каким образом был осуществлен переход от дискурсивной практики к политической. И наконец, внимание будет уделено некоторым важным шагам, которые имперские власти предприняли по изменению культурного ландшафта.

---

¹⁰⁹ Ранее написанные на эту тему работы: *Medišauskienė Z. Laikas-Erdvė-žmogus // Lietuvos istorija. T. 8. D. 1: Devynioliktas amžius: visuomenė ir valdžia. Vilnius: Baltos lankos, 2011. P. 45–55.* Наряду с неопубликованной перепиской чиновников основными источниками нашего исследования стали и опубликованные работы: *Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет, с 1652 по 1892 год / Сост. С. Ф. Рубинштейн. Вильна, 1894; Полное собрание законов Российской империи (с 1772 года).*

Глава 1

Переименование пространства

Земли бывшего Великого княжества Литовского вошли в состав Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой (в 1772, 1793, 1795 годах) и стали российскими губерниями. В конце XVIII века эту территорию, а также Правобережную Украину, входившую до разделов в состав Королевства Польского, называли «губернии от Польши присоединенные». Название не несло каких-либо дополнительных коннотаций, просто констатировало свершившийся факт. Использовались и другие похожие названия, например «новоприобретенные от Польши области». Иногда эти земли просто называли «польскими губерниями», однако, скорее всего, в этом случае имелся в виду не культурный, этнический, лингвистический или какой-либо иной похожий [польский] характер этих территорий, но именно упомянутый выше исторический факт – бывшая принадлежность этих земель Речи Посполитой, которая в то время в российском дискурсе называлась Польшей. Такое наименование этих территорий не было абсолютно точным, поскольку в созданную после раздела 1772 года Псковскую губернию вошла часть территории, принадлежавшая России еще до первого раздела Польши. Но такие мелочи в названии губерний не отображались.

В историографии нет единого мнения по вопросу о том, на каком конкретно этапе разделов российские власти аргументировали свои действия присоединением «своей» территории. Э. Аляксандравичюс и А. Кулакаускас утверждают, что такой «демагогией» российские власти пользовались только «после двух первых разделов Речи Посполитой»¹¹⁰; М. Д. Долбилов и А. И. Миллер пишут о возникновении этой аргументации после всех трех разделов, правда, подчеркивают, что смысл, вложенный в легенду медали «Отторженная возвратих», должен пониматься как династическая, а не националистическая логика, то есть Екатерина II провозглашала возврат тех земель, которые когда-то принадлежали России, причем тот факт, что большинство жителей этой территории были славянами, то есть этнически близкими великороссам, еще не играл важной роли¹¹¹; другие авторы пишут, что подобная аргументация исторических прав, а также указания на этническую близость жителей присоединенных земель встречаются после второго и третьего разделов¹¹². В последнем исследовании Александр Борисович Каменский утверждает, что концепция собирания русских земель начинает формироваться в последней четверти XV века с целью обоснования прав Москвы на часть Великого княжества Литовского на основе как вотчинного права, так и того, что на этих землях живет православное население. Позже эту концепцию то забывали, то снова актуализировали (как это случилось в середине XVII и в начале XVIII века), кроме того, менялись идейные предпосылки: в XVIII веке уже не монарх претендует на территорию на основании вотчинного права – держателем этих прав становится государство. С 1720-х годов о собирании земель вновь забывают и актуализируют концепцию лишь в 1792 году, то есть накануне второго раздела. В 1793 году концепция исконных русских земель становится и частью публичного дис-

¹¹⁰ Aleksandravičius E., Kulakauskas A. *Carų valdžioje. XIX amžiaus Lietuva*. Vilnius: Baltos lankos, 1996. P. 56–57.

¹¹¹ Долбилов М. Д., Миллер А. И. *Западные окраины Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 77.

¹¹² Gajdučík V. N., Barelkowski M. *Die Gouvernements Vicebsk und Mahilëu nach den Teilungen Polen-Litauens (1772–1830/31) // Die Teilungen Polen-Litauens. Inklusions- und Exklusionsmechanismen – Traditionsbildung – Vergleichsebenen* / Hrsg. H.-J. Bömelburg, A. Gestrich, H. Schnabekl-Schüle. Osnabrück: Fibre, 2013. S. 261. Йоханнес Реми пишет, что российские власти обосновывали разделы в том числе и этническими аргументами, хотя в то время эти аргументы не были первостепенными: Реми Й. Польский вопрос и западные пределы русской народности в российской правительственной политике от разделов Польши до 1863 г. // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР / Ред. И. Яатс, Э. Таммиксаар. Тарту: Эстонский национальный музей, 2011. С. 61–70, особенно с. 61–63.

курса¹¹³. То есть спорными являются следующие вопросы: а) использовала ли элита российской власти не только исторические и конфессиональные, но и этнические аргументы; б) после каких конкретно разделов власти Российской империи «вспоминали» о своих правах на присоединенные земли?

Уже после первого раздела в официальном дискурсе упоминались исторические права России на присоединенные земли, то есть утверждалось, что это древнее наследство России¹¹⁴. В этом случае о принадлежности присоединенных территорий России должно было свидетельствовать и название этих территорий – Белоруссия, недвусмысленно указывавшее, что этот регион – Белоруссия/Белая Русь – является частью России¹¹⁵. Употребление термина «Белая Русь» в более раннее время рассмотрено белорусским историком Алесем Белым, который отмечает, что в русских документах термин распространяется в XVII веке и с этого периода имеет четкие идеологические коннотации, которыми Москва пользовалась для обоснования своих прав на эту территорию. Часто этот термин имел в большей степени культурно-религиозные, но не географические коннотации; кроме того, он мог обозначать разные регионы: сначала Белой Русью называли современную территорию Украины, позже тот регион, который мы теперь называем Восточной Белоруссией, также Белой Русью называли и всю этнографическую Белоруссию¹¹⁶.

В контексте второго раздела наряду с аргументами о необходимости остановить анархию в Речи Посполитой, желании оградить себя от проникающих из Франции революционных идей и схожей риторикой в официальных документах можно обнаружить и этнические/конфессиональные аргументы. Так, в указе Екатерины II генералу Михаилу Никитичу Кречетникову от 8 декабря 1792 года утверждается, что присоединяются территории, «издревле России принадлежавшие, грады русскими князьями созданные и народы общего с россиянами происхождения и Нам единоверные <...>»¹¹⁷. С другой стороны, мышление политической элиты России в то время еще не было националистическим и этничность еще не была важной политической категорией.

В документах, связанных с третьим разделом, подчеркивается распространившаяся в Речи Посполитой анархия, и здесь нет прямых отсылок к историческим или этноконфессиональным аргументам, однако уже в некоторых официальных документах 1799 и 1800 годов вся территория, отошедшая после разделов к Российской империи, называется «возвращенной» от Польши¹¹⁸ либо используются подобные выражения, что однозначно говорит о том, что вся эта территория уже принадлежала России раньше¹¹⁹. При этом следует отметить, что в то время концепция исторических прав России на все земли бывшего Великого княжества Литовского использовалась редко. Таким образом, имперские власти после первого и второго разделов

¹¹³ Каменский А. Б. «Отторженная возвратих». Разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по россиеведению / Гл. ред. И. И. Глебова. М.: РАН. ИНИОН. Центр россиеведения, 2016. С. 220–261.

¹¹⁴ Lenkijos-Lietuvos valstybės padalijimų dokumentai. 1 dalis: Sankt Peterburgo konvencijos / Sud. R. Šmigelskytė-Stukienė. Vilnius: Versus Aureus, 2008. P. 129–130, 179. Правда, похоже, что в то время эти идеи не были перенесены в публичный дискурс.

¹¹⁵ Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ея ИВ в Белорусския наместничества 1780. [Санкт-Петербург, 1780]. С. 44–45.

¹¹⁶ Белы А. Хроніка Беларускай Русі. Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск: Энцыклапедыкс, 2000. Р. 162–165; *Он же*. Белая Русь, Вялікая княства Літоўкае // Энцыклапедыя. Т. 1. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2005. С. 306–308.

¹¹⁷ Сборник Императорского Русского Географического общества. 1885. Т. 47. С. 473.

¹¹⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXV: 1798–1799. СПб., 1830. С. 542; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXVI: 1800–1801. СПб., 1830. С. 131.

¹¹⁹ В опубликованном в 1808 году статистическом описании Российской империи также отмечается, что земли ВкЛ и Правобережная Украина – это «древнее российское достояние»: Зябловский Е. Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, с предварительными понятиями о Статистике и о Европе вообще в Статистическом виде. СПб., 1808. С. 94–95.

систематически использовали этноконфессиональный критерий, равно как и аргумент об исторических правах, при этом последний иногда встречается и после третьего раздела.

В начале 1810-х годов в официальных документах появляется новое название присоединенной территории – «западные губернии». В то время это название еще не несло дополнительных историко-идеологических коннотаций – оно просто указывало на географическую локализацию этой территории в западной части Российской империи. Кроме того, западными губерниями часто называли и другие территории, не только бывшие земли Речи Посполитой. И лишь позже это название закрепилось за включенными в состав империи бывшими землями Великого княжества Литовского и за Правобережной Украиной. В официальном российском дискурсе новое название («западные губернии») несколько десятилетий сосуществовало со старым («губернии, присоединенные от Польши»).

Позднее более старое название было уточнено: губернии стали не «присоединенными», но «возвращенными». Новая версия названия губерний не только констатировала имевший место в конце XVIII века факт, но и обосновывала его историческим правом. Интересно, что это название появляется до восстания 1830–1831 годов¹²⁰, с которым обычно связывают радикальное изменение имперской политики¹²¹, что позволяет выдвинуть осторожную гипотезу о том, что еще до восстания среди правящей элиты зреют идеи о необходимости изменить национальную политику на этой окраине¹²².

Несколько лет в бюрократической переписке встречаются оба названия (и «присоединенные от Польши», и «возвращенные от Польши губернии»), однако после подавления восстания остается только второе. Еще почти десятилетие новое название, декларировавшее «возвращение» этих территорий, использовалось вместе с названием «западные губернии», пока, наконец, в начале 1840-х годов почти полностью не вышло из употребления¹²³.

Под влиянием появившейся в 1830-х годах исторической концепции, которая будет обсуждена ниже в этой главе, появилось понятие «Западный край»¹²⁴, который включал в себя сначала восемь, а позже (с 1843 года) девять губерний бывших земель Великого княжества Литовского и губернии Правобережной Украины. Название «Западный край» находим в переписке середины 1830-х годов об учебнике истории этого края. Правда, тогда это название еще не устоялось¹²⁵. Иногда все присоединенные земли Великого княжества Литовского и Правобережную Украину называли «Юго-Западными губерниями» или «Юго-Западной Россией». И только позже, после 1863 года, употребление названий становится общепринятым, то есть оно («Западный край») применялось к девяти губерниям: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской¹²⁶. В состав этого

¹²⁰ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание второе. Т. V: 1830. Отд. второе. СПб., 1831. С. 89.

¹²¹ *Ganzenmüller J.* Russische Staatsgewalt und polnischer Adel. Elitenintegration und Staatsausbau im Westen des Zarenreiches (1772–1850). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2013.

¹²² См. раздел, посвященный историческим концепциям.

¹²³ Иногда это название встречается и в 1860-х годах: РГИА. Ф. 940. Оп. 1. Д. 3. Л. 18–19. Об этом документе более подробно см.: *Staliūnas D.* Between Russification and Divide and Rule: Russian Nationality Policy in the Western borderlands in the mid-19th Century // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2007. Н. 3. S. 358–373.

¹²⁴ Это название часто использовал один из создателей этой исторической концепции Николай Герасимович Устрялов: *Устрялов Н. Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое Княжество Литовское? СПб., 1839.

¹²⁵ Один из крупнейших российских специалистов первой половины XIX века в области статистики, географии и смежных областей Константин Иванович Арсеньев в 1845 году включил в понятие Западный край и Смоленскую губернию. РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

¹²⁶ В 1862–1864 годах издавался поддерживаемый частью имперских чиновников известный своей антипольской направленностью журнал «Вестник Юго-Западной и Западной России». Название этого журнала заставляет говорить о том, что понятие «Западный край» охватывало только шесть, а не девять губерний. В 1855 году в официальных документах министр внутренних дел писал о назначении Владимира Ивановича Назимова губернатором Западных губерний, хотя в то время виленскому генерал-губернатору, которым и был назначен В. И. Назимов, подчинялось только четыре губернии (Виленская, Ковенская, Гродненская и Минская): РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1307. Л. 17. Это еще раз подтверждает, что название все еще не

региона – Западного края – входили два субрегиона – Северо-Западный край; включающий шесть губерний, сформированных из бывших земель Великого княжества Литовского¹²⁷, и Юго-Западный край (три губернии Правобережной Украины). Эти названия, в сущности, не изменились до самого конца существования империи, несмотря на то что, как мы увидим далее, в конце XIX – начале XX века объем значения названия Северо-Западный край иногда сужался до трех «литовских» губерний.

Сначала властям империи не мешало и название Литва. Присоединенные к России губернии после первого раздела называли белорусскими, после третьего – литовскими. Непродолжительное время (1797–1802) территории, оказавшиеся под властью Романовых, были поделены на две губернии – Белорусскую и Литовскую¹²⁸. Позже они были разделены на более мелкие территориально-административные единицы, но Литва пока присутствовала в названии губерний: Литовско-Виленская губерния и Литовско-Гродненская губерния (объединены в Виленское генерал-губернаторство) и Белорусско-Витебская и Белорусско-Могилевская (также объединенные в одно Белорусское генерал-губернаторство). То есть проследживается преемственность традиций прошлых столетий – Москва отмечает дуализм земель Великого княжества Литовского и при этом признает его нерусское ядро.

В 1840 году указом царя было запрещено упоминать в названии губерний Литву и Белоруссию. Очевидно, этот шаг Николая I был связан с имевшим место в 1830-х годах началом развития по отношению к западным окраинам империи политики, нацеленной на символическое освоение территорий. В этот же период Самогитское епископство стало Тельшевским епископством (в 1847 году после подписания России и Святым престолом конкордата появляется двойное название епископства – Самогитское (Тельшевское)¹²⁹

было устоявшимся.

¹²⁷ Название «Северо-западные губернии» встречается уже в указе о территориально-административных изменениях от 18 декабря 1842 года: Полное собрание законов Российской империи. Т. 17 (1842). Ч. 2. СПб., 1843. С. 229; *Kulakauskas A. Kova už valstiečių sielas. Caro valdžia, Lietuvos visuomenė ir pradinis švietimas XIX a. viduryje.* Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla, 2000. P. 28. Однако этот термин мог пониматься как элементарная географическая локализация.

¹²⁸ После второго раздела была сформирована и Минская губерния.

¹²⁹ *Prašmantaitė A. 1863 metų sukilimas ir Katalikų Bažnyčia Lietuvoje.* Vilnius: LII leidykla, 2014. P. 12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.